

РЕПОРТАЖИ

О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877–1878 гг.
НА БАЛКАНАХ ВОЕНКОРА Л.В. ШАХОВСКОГО¹

Важным источником о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском театре военных действий являются статьи русских корреспондентов, публиковавшиеся в российской периодике того времени². Они ценны не только как содержащие конкретные исторические факты, но и как зеркало умонастроений в «верхах» и «низах» и положения в тылу и на фронте. Они отражали то, что витало в умах высшего военного командования, офицерской и солдатской массы, и формировали отношение к данной войне среди различных социальных слоев российского общества, читавших репортажи о войне в газетах и журналах той поры. События на Балканах освещали в своих публикациях несколько десятков наших журналистов и писателей, командированных на фронт ведущими периодическими изданиями. Это были «Биржевые ведомости», «Всемирные иллюстрации», «Наш век», «Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Одесский вестник», «Тифлисский вестник» и др.³ По их письменному ходатайству штаб Действующей армии выдавал журналистам разрешение находиться на фронте и специальный опознавательный знак. Последний яв-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004)

² Яковлев О.А. Военные корреспонденты во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. Л., 1978. № 8. История, язык, литература. Вып. 2. С. 60–64.

³ Апушкин В. Война 1877 г. в корреспонденции и романе // Военный сборник. СПб., 1902. № 7. С. 202.

лял собой трехцветную шелковую повязку на рукаве с печатями и подписями на ее внешней и внутренней сторонах⁴.

Разумеется, не ко всем репортажам следует относиться как к надежным и правдивым источникам. Некоторые журналисты предпочитали отсиживаться вдалеке от фронта в Румынии, черпая информацию для своих публикаций из вторых или даже третьих рук — из рассказов наших раненых солдат и офицеров, возвращавшихся в Россию в санитарных поездах. Другие довольствовались «отфильтрованными» информационными сводками и конференциями, ежедневно устраивавшимися в нашем Главном штабе до 11 часов утра⁵. И только часть военных корреспондентов отправляли свои репортажи непосредственно с места событий, рискуя получить в грудь турецкую пулю или быть разорванными турецким снарядом. Именно к таким репортерам и относился 28-летний князь Лев Владимирович Шаховской (1849–1897), командированный на Балканы газетой «Московские ведомости». Его репортажи отличаются живой язык, увлекательность изложения и наличие многих фактов, полученных в результате непосредственных наблюдений автора. Сразу после окончания войны Л.В. Шаховской издал эти репортажи отдельной книгой⁶, предупредив в предисловии к ней, что она представляет собой «ряд впечатлений» автора от пребывания его в Передовом отряде генерала И.В. Гурко⁷. В этом «ряду» временами присутствуют

⁴ Согласно положению, на повязке находилось изображение двуглавого орла, вокруг которого читалась надпись «корреспондент» и помещался вышитый золотыми нитками его номер. Кроме того, журналисту необходимо было иметь при себе удостоверение личности с фотографией, заверенное подписями и печатями Полевого штаба и полевого комендантского управления армии. См.: Гюков О.А. Российская журналистика о войне 1877–1878 гг. (Балканский полуостров) // (ricolor.org/history/voen/bitv/xix/25_01_2011_01).

⁵ Газенкампф М.А. Мой дневник. СПб., 1908. С. 5.

⁶ Шаховской Л.В., князь. С театра войны 1877–1878. Два похода за Балканы. М., 1878. Репринтное издание: СПб., 2011.

⁷ Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — генерал-лейтенант, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., позднее — фельдмаршал; его имя носит одна из центральных улиц Софии.

известная неупорядоченность, повторы и избыточность сведений, не всегда интересных современному читателю. Цель нашей публикации — высветить наиболее яркие и ценные места книги Л.В. Шаховского с учетом данных, приводимых другими его собратьями по перу⁸.

Узнав в Тырново, что Передовой отряд русской армии под командованием генерала И.В. Гурко перешел Балканы, Л.В. Шаховской выхлопотал разрешение отправиться за ним вдогонку вместе с русским и иностранными корреспондентами: А.Д. Ивановым из журнала «Новое время», французами де Ля Моттом и Диком Лонлем, командированными журналами «Temps» и «Monde Illuste», и испанским журналистом Пелиссером. Л.В. Шаховской не сообщал своим иностранным коллегам конкретного маршрута и конечного пункта назначения их путешествия, что было весьма осмотрительным с его стороны. Репортажи иностранцев достигали редакций их газет и журналов гораздо быстрее, чем соответствующие материалы русских журналистов домой. Письма вторых шли до родных редакций 18–20 дней, тогда как материалы первых оперативно отправлялись адресатам при помощи нарочных по телеграфу из ближайшего австрийского города. Для наших корреспондентов подобная доставка была слишком дорогой и являлась непозволительной роскошью. Кроме того, несмотря на запрет писать о позициях и передвижениях наших войск, зарубежные журналисты иногда его нарушали, за что русское командование высылало их из страны. Так, например, поступили с репортером Бойлем из «Standard», которого отлучили от Главной квартиры и выслали из Румынии за публи-

⁸ При этом мы хотели бы предупредить читателя об особой стилистике отдельных мест данной статьи. Это не «раскавыченные» пассажи из репортажей Л.В. Шаховского, не компиляция и не авторская «беллетристика». В них нет художественного вымысла — они отражают лишь наше стремление придать изложению историко-документальных фактов черты художественности и создать в будущем панораму образов Болгарии и болгар, возникавших в сознании русских людей.

кацию сведений военного характера, не подлежащих разглашению⁹.

Возглавляемая Л.В. Шаховским группа военных корреспондентов выехала из Тырново, передвигаясь в повозке и верхом на конях в сопровождении болгарского проводника. Вечер 4 июля 1877 г., по словам Л.В. Шаховского, был просто дивный, а открывавшиеся перед ними виды — просто восхитительными. Через полчаса езды по ущелью путники вырвались на простор и оказались среди множества холмов и различных по высоте гор с самыми разнообразными очертаниями. Вся почва вокруг была покрыта голубоватыми цветами, отчего горы при заходящем солнце приобретали нежно-голубоватый оттенок. Езда путников напоминала плавание по морю: постоянные подъемы и спуски походили на неторопливую морскую качку. Дорога к Балканам лежала через сёла Плаково, Баниула и Войнешти. Тырновского проводника в Плаково прогнали, поскольку тот жаловался, что дальше дороги не знает. А найденный в том месте другой проводник-болгарин утверждал, что путь ему знаком только до следующей деревни, а дальше он никогда не ездил. В Баниуле болгары вообще отказывались стать проводниками¹⁰ — эту роль взяли на себя казаки с наших казачьих постов.

Дорога становилась всё круче, уже и каменистее. С одной стороны зияла пропасть, а с другой возвышались отвесные стены скал. Двухосная коляска быстро сломалась, но журналист А.Д. Иванов создал хитроумную конструкцию двуколки, соорудив последнюю из передка. Уже поздно ночью в полной темноте удалось взобраться на плоскую горную вершину, где

⁹ Журналист Бойль под конвоем румынского жандарма был выдворен за пределы Румынии за подробное описание в своей статье наших позиций под Плевной и указание их слабых мест. См.: *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 71.

¹⁰ Отказ болгар выступать в роли проводников русских военных и неохота, с которой они соглашались это делать, объяснялись опасением за собственную жизнь при встрече с турками или же тем, что болгары боялись мести за содействие «гяурам» в дальнейшем в случае сохранения турецкого статус-кво в Болгарии.

вокруг костра спали наши казаки с горного поста. Их лошади мирно жевали сено, а языки пламени костра освещали белый флаг на памятной деревянной колонне с надписью о переходе здесь через Балканы 30 июня 1877 г. отряда генерала Рауха¹¹ и фамилиями не только самого командира, но и находившихся под его началом офицеров. На колонне была указана и высота перевала над уровнем моря: «4 тыс. футов н.п.м.». Этот памятный знак изготовили по проекту полковника, графа Роникера, которого вскоре сразила неподалеку от Казанлыка пуля засевшего в кустах башибузука¹². Ночлег на перевале для путников был не легким. Спать пришлось на открытом воздухе, потому что рядом не было ни сельца, ни горной хижины. Постелью Л.В. Шаховскому служил кожан, подушкой — седло, а одеялом — кожаное пальто. Не лучше были условия и у его спутников, поэтому с непривычки все поднялись в 5 часов утра, как только забрезжил рассвет.

Спустившись с перевала по крутому склону, они приблизились к руслу ручья, вдоль которого петляла дорога, ведущая в долину. Горы смыкались всё теснее, становились более угрюмыми и дикими. Их склоны покрывал сплошной лес, берега ручья плотно заросли деревьями и кустарниками. Уставшие лошади то и дело опускали голову и жадно пили черную студеную воду¹³.

Позднее в других своих репортажах Л.В. Шаховской, видимо подробно расспросив солдат и офицеров Передового отряда Гурко, описал, как осуществлялся переход через Большие Балканы. Он был предпринят неожиданно для турок с целью зайти им в тыл. В случае успешности этого маневра наши войска оказывались в Казанлыкской долине, откуда с юга вела дорога к Шипкинскому перевалу, находящемуся в центральной Болгарии. Окопавшиеся на нем турки лишались при этом возможности снабжения и подкрепления из Филиппополя (Пловдива) и попадали в русские тиски с двух сторон¹⁴. Пози-

¹¹ Раух Оттон Егорович — генерал-лейтенант, герой войны 1877–1878 гг.

¹² Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 10–11, 21.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 22, 86.

ции на этом перевале были неприступными: сдаться или бежать находившихся на них турецких солдат могла заставить только угроза голода. Желая блокировать переход русских через Балканы в Казанлыкскую долину, турки перекрыли не только Шипку, но и все подходящие для этой цели перевалы за исключением Хаинкёйского ущелья. Его непроходимость, казалось бы, исключала возможность прохождения здесь русских воинских колонн, обоза и артиллерийских орудий.

Оплошностью турок не преминуло воспользоваться русское командование. От местного болгарского крестьянина хаджи Стою из Тырново русские узнали о горной тропе, ведущей в Казанлыкскую долину через деревни Плаково — Присово — Средне-Колибе — Войнешти — Райковцы — Паровцы — Хаинкёй. Генерал Гурко приказал генералу Рауху уточнить ситуацию, и тот отправил в разведку переодетого болгаринном урядника князя Церетели в сопровождении трех болгар. Разведчики достигли почти самого конца ущелья на противоположной стороне Балкан, где находилась турецкая мельница, и по возвращении доложили, что горные орудия по тропе пройдут, а если ее расширить, то там смогут пройти и конные артиллерийские упряжки¹⁵.

Для превращения тропы в дорогу генерал Гурко приказал Рауху сформировать и возглавить специальное подразделение из сотни уральских казаков и конно-саперной команды, не обученной, правда, саперному делу. Оно выступило из Тырнова 28 июня без какого-либо обоза — в нескольких повозках находились только шанцевый инструмент и динамит. Последним, однако, воспользоваться не пришлось — слишком велика была опасность выдать туркам тайное передвижение русских войск. Тропа обустроивалась под прохождение 16 четырехфутовых орудий отряда Гурко и его более крупных войсковых соединений. Работа шла целый день, продвигалась медленно и с невероятными трудностями. У села Войнешти тропа была завалена большими камнями и глыбами, и солдатам приходилось оттаскивать их в сторону или разбивать кирками. Стояла страшная жара, скалы дышали адским пламенем, ужасно

¹⁵ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 26, 30.

хотелось пить. Генерал Раух и капитан Сахаров работали ломами и кирками наравне с солдатами, подавая им пример. Достигнув выхода из ущелья, отряд генерала Рауха остановился в ожидании подхода более крупных сил. Возможно, это был Божий промысл, потому что всего в 15 верстах от этого места в Сливно (Сливен) шагали три батальона турецкой пехоты. Узнай турки о нахождении рядом немногочисленного отряда русских «гяуров», они бы прижали его к горловине ущелья и истребили всех до единого. Но им и в голову не приходила мысль, что русские отважатся совершить переход по ущелью, куда даже птица не осмеливалась залетать¹⁶.

Передовой отряд Гурко двигался вслед за саперами Рауха вместе с артиллерийскими упряжками, для которых в селе Войнешти у болгарских крестьян были арендованы буйволы и волы. При выходе из ущелья авангард отряда, состоявший из пластунов и батальона стрелков, столкнулся с четырьмя конными башибузуками. Те подняли тревогу в соседнем турецком лагере и в четырех близлежащих селах, но стрелки и пластуны быстро сломили сопротивление неприятеля и заняли деревни Хаинкёй и Коняры. 2 июля 1877 г. весь передовой отряд уже находился в Казанлыкской долине, что стало для турок громом, разразившимся среди ясного неба. Они стали отступать по долине, продержавшись лишь несколько часов в селе Уфлани. Растерявшись от неожиданного натиска на Шипку с севера казаков Орловского полка во главе с генералом Скобелевым и узнав о приближении отряда Гурко со стороны Казанлыка, турки в панике покинули позиции на Шипкинском перевале. А из находившихся поблизости городов Стара-Загоры и Калофера к Гурко прибыли депутации с известием о сложении турками оружия и мольбой о пощаде¹⁷.

Но возвратимся к группе журналистов с Л.В. Шаховским. Миновав Хаинкёйский перевал, она продолжала свой путь, стремясь нагнать Передовой отряд генерала Гурко. Проводников у них не было, и путники уточняли дорогу у встречных болгар. От них они узнали, что до взятого нашими войсками

¹⁶ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 27, 29–31.

¹⁷ Там же. С. 31.

Казанлыка остается 40–50 верст. Дорога в этот город тянулась по Казанлыкской долине между грядями гор, которая имела в ширину приблизительно четыре–пять верст. По словам Шаховского, она выглядела просто роскошно. Ее богатство радовало взор: здесь росли густые виноградники, чередовались сжатые и несжатые поля, луга были покрыты густой, сочной травой, возвышались ореховые деревья. Это был настоящий оазис среди сумрачных гор, напоминавший луч солнца среди грозowych туч. Путникам хотелось вдоволь налюбоваться этими прекрасными видами, но мысль о том, что из-за каждого куста в любую минуту могут выскочить башибузуки, отравляла сознание и рисовала картины притаившихся за розами ядовитых змей¹⁸.

По дороге путники пережили несколько приключений, прежде чем очутились в уже упоминавшемся нами турецком селе Уфлани. Оно почти всё выгорело, земля была покрыта сероватыми пеплом, золой и тлеющими углями. Частично сохранились лишь некоторые фруктовые деревья в глубине больших садов, причем ветви их ломались от спелых белых и синих слив, абрикосов и еще незрелых яблок и груш. Полакомившись ими вдоволь, путники вошли в единственное сохранившееся здание села — мечеть. Уцелела она, вероятно, потому что была защищена плотной стеной деревьев. Те обуглились от огня, но спасли мусульманскую святыню от уничтожения. В мечети отсутствовали следы грабежа, но она и без того выглядела очень бедно. На полу лежали плохонькие ковры, наверху висели низкие деревянные лостры с отверстиями для шкаликов с маслом. На внутренних стенах мечети были приклеены листы бумаги с изречениями из Корана. Обстановка, по словам Шаховского, была даже не бедной, а просто нищенской¹⁹. Позднее Л.В. Шаховской узнал, что, переправившись со своим отрядом и 16 орудиями через Хаинкёйский перевал, генерал Гурко застал турок врасплох. Используя фактор внезапности, он неожиданно напал на них с тыла и в течение 2–6 июля продвигался по Казанлыкской долине, заняв расположенные

¹⁸ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 10, 16.

¹⁹ Там же. С. 18–19.

в ней сёла и города Казанлык и Стара-Загору. Мы не станем подробно останавливаться на описании Казанлыка, — возможно, более интересным для читателя будет узнать то, что вскоре этот город, также, как и Стара-Загору, пришлось оставить под натиском армии Сулейман-паши. Понимая, что в Болгарии ситуация для них складывается катастрофическая, турки на судах англичан перебросили из Черногории 45 батальонов своих опытных, привыкших сражаться в горах солдат. Ожесточенные бои разгорелись в Стара-Загоре, которую защищали наши Казанский и Астраханский драгунские полки и Киевский гусарский вместе четырьмя дружинами болгарских ополченцев под общим командованием Николая Максимилиановича, герцога Лихтенбергского. Они были окружены 30-тысячным войском Сулейман-паши, героически держали оборону, но 19 июля вынуждены были отступить к Казанлыку. Особенно большие потери в этих боях понесли дружины болгарского ополчения²⁰.

Затем началась эпохальная схватка на Шипке, которую турки вынуждены были ранее отложить из-за блестящего обходного маневра Передового отряда Гурко. Бои на Шипкинском перевале, равно как и осада Плевны — темы, достаточно хорошо раскрытые в очерках военных корреспондентов того времени. Гораздо большее любопытство вызывают рассказы Л.В. Шаховского о малоизвестных уголках болгарской земли и его наблюдения о чувствах, обуревавших участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Таким, например, является повествование журналиста о Трыстенике — небольшом селе, расположенном к северо-западу от Плевны. В нем некоторое время размещался штаб генерала Гурко. Л.В. Шаховской описывает Трыстеник как бедную, печальную деревушку, выглядевшую крайне неприглядной из-за сетки мелкого дождя,

²⁰ Там же. С. 45; По плану русского командования предполагалось в два приема по 6 тыс. человек вооружить, одеть и обучить 12 тыс. болгарских добровольцев. Второй набор, однако, оказался недоукомплектованным: в дружины вступили только 4697 чел. См.: *Стоянов И.* Московский славянски комитет и българското опълчение. Велико Търново, 2014. С. 105.

который непрестанно моросил две недели подряд. Жилища болгар были врыты в землю, их крыши тоже были покрыты землей. По его словам, это село, в сущности, представляло собой сотню разбросанных по равнине землянок. В сырую погоду его можно было не заметить даже вблизи. Присутствие людей выдавал лишь дым, выходявший из землянок и низко стелившийся по земле. Путникам казалось, что дымится и курится сама земля. Под земляными крышами их ожидала одна и та же невеселая картина — окон нет, внутри стоит полумрак, землянка освещается светом, проникающим через единственное отверстие где-то сбоку в крыше. Оно служит одновременно для выхода дыма от очага, топящегося сухими стеблями кукурузы. Огонь в очаге обычно поддерживается круглые сутки, освещая на мгновение холодные темные углы красноватыми всполохами. В землянках было сыро, сквозь крышу проникали скапливающиеся большие дождевые капли, которые с глухим стуком падали на земляной пол. В очаге, как правило, варились какое-то варево из вареной или печеной кукурузы. Из нее болгары пекут даже хлебные лепешки²¹.

Л.В. Шаховской писал, что всю работу в землянках обычно выполняют женщины, не сидя без дела ни минуты: одна несет ведро с водой, другая готовит топливо для очага, третья сидит за прялкой или вяжет, четвертая покрикивает на детей. Беженки безропотно несут свою горькую долю, не жалуясь на судьбу и на то, что вынуждены ютиться под чужим кровом, работая целый день не только на себя, но и на семью хозяина. В отличие от них, мужчины болгары заняты только тем, что круглыми сутками сидят у очага, тупо глядя на огонь и отвечая на вопросы неохотно и односложно²².

Несомненно, интересно и упоминание Л.В. Шаховского об участии в войне против турок кубанской и осетинской кавалерии. По его словам, по внешнему виду этих кавалеристов

²¹ *Шаховский Л.В.* Указ. соч. С. 84–86.

²² Этот образ болгарина, часами неподвижно сидящего у очага, уставившегося на огонь и отвечающего на вопросы неохотно и односложно, кочевал из очерка в очерк русских журналистов. См., например: *Окретц С.С.* На войне и дома. СПб., 1880. С. 118.

невозможно было отличить от турок: одинаковые восточные лица, мохнатые папахи и порыжевшие от дождя бурки. Лошадки у осетин были маленькие и невзрачные, но они вытворяли на них настоящие чудеса²³. После нескольких стычек с такими нашими кавалеристами у реки Вид турки и черкесы больше не решались совершать выезды в направлении дороги на Софию. Тем более что осетины и кубанцы предпочитали шашки пулям, испытывая к последним величайшее презрение. Они считали их пустой забавой, поскольку турки обычно палили в них из винтовок, даже не целясь. Настоящим мужским делом они считали рубку на саблях и шашках, и героем для них был тот, кто зарубил больше врагов. Казаки указывали Л.В. Шаховскому на одного невысокого, коренастого осетина, зарубившего под Ловечем 18 турок. По их словам, этот удалец зарубил бы еще больше турок, но на 18-м лезвие шашки выскочило из рукоятки, поскольку удар клинка пришелся по затылку турка. После русской победы под Ловечем отличившиеся осетины получили награды: христиане получили по кресту со св. Георгием на коне, а мусульмане — по кресту с изображением орла. Выпив на радостях и рассмотрев награды соотечественников-христиан, мусульмане сочли себя обойденными должным вниманием и стали требовать от командира награды с джигитом, а не с птицей²⁴.

Среди наших корреспондентов было распространено мнение, что турки и черкесы сильны в обороне, но не отличаются большой храбростью и смелостью и не выдерживают наших штыковых атак. Л.В. Шаховской показывает, что в рядах наших врагов на самом деле было немало удалцов. Он рассказывал, как во время преследования бегущих к Адрианополю турок и черкесов те попытались подстрелить взбравшегося на небольшой курган генерала Гурко. Три конных черкеса, отделившись от основной массы турецкой кавалерии, приблизились к русскому командиру на расстояние выстрела. Один

²³ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 85–86.

²⁴ Данный казус с «птицей» и «джигитом» описан в: *Немирович-Данченко В.И.* Год войны. Дневник русского корреспондента 1877–1878. СПб., 1878. Т. 1. С. 221.

из них произвел по Гурко несколько неудачных выстрелов из пистолета, и когда генерал приказал осетинам отогнать нахала, тот не ускакал, как его сотоварищи, а остался на месте, не обращая внимания на град пуль, которыми осыпали его бегущие к нему осетины. Отважный черкес не двигался с места — более того, он несколько раз медленно проехался вдоль набегавшей шеренги осетин, делая им приветственные знаки рукой. Лишь когда расстояние сократилось до непозволительно близкого, черкес припустил коня и ускакал целым и невредимым. Его удасть вызвала одобрителный шепот среди шагавших мимо кургана русских солдат²⁵.

В другом своем репортаже Л.В. Шаховской позже упомянул о геройском поведении турецкого пашы под Станимаком (Асеновградом), находящимся в 20 км к югу Пловдива. Раненный и окруженный русскими солдатами, тот отказался сдаться в плен и, сидя на коне, отчаянно отбивался от наседавших на него «гяуров», которые решили непременно пленить его живьем. Одному из них паша отсек руку, другому исполосовал саблей всё лицо и многих переранил, пока его не сняли с седла штыками²⁶.

Важную роль для турок при обороне Плевны играла дорога на Софию. Через нее осуществлялась связь осажденных с Константинополем, по ней они получали боеприпасы и провиант, вывозили больных и раненых. Благодаря ей турки в случае неуспеха сохраняли возможность отступить за Балканы. Дорога являлась последним ключом к Плевне, и поэтому от самого города, начиная с ведущего к нему каменного моста, Осман-паша приказал возвести укрепления на окрестных высотах и держал гарнизоны в расположенных вдоль нее селах — Долни- и Горни-Дубняк, Телиш, Луковцы, Брестеница и Яблоница. Здесь были возведены ложементы для артиллерийских орудий, вырыты окопы для пехоты. Транспорты из Софии и обратно турки обычно прикрывали большим количеством кавалерии, пехоты и интенсивным орудийным огнем. Но на пути колонн часто возникали кубанские казаки, обращавшие турок

²⁵ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 284.

²⁶ Там же. С. 292.

в бегство. Они выпрягали волов из телег, а сами телеги выводили из строя. В самой же Плевне турки держали своих раненых в домах болгар, зная, что русские канониры не станут обстреливать болгарские кварталы. Хозяева таких домов при этом лишались родного крова. А в православных церквях турки устраивали склады пороха и других боеприпасов²⁷.

Как и большинство других русских военных корреспондентов, Л.В. Шаховского поражала жесткость и бесчеловечность турок по отношению к нашим раненым солдатам, попавшим к ним в плен. На Шипке пленных русских солдат и офицеров турки обезглавили и дико изувечили, сложив в одном месте в кучку 18 отрезанных голов. Среди них находилась и голова казачьего полковника, командира отряда пластунов. На его отрубленной шее виднелась красная лента с крестиком — она была приклеена к коже запекшейся кровью²⁸. Из уст в уста передавался на фронте и рассказ об изуверстве турок, которые 12 октября 1877 г., захватили наших раненых у села Горни-Дубняк. Там солдаты Егерского полка целый день стойко обороняли у села Телиш ложементы, отбитые у турок непосредственно перед их редутами. Только благодаря подошедшему подкреплению турки к вечеру смогли сломить сопротивление егерей и вынудили их отступить. При этом много наших убитых и раненных солдат попали в руки врагов и, как и на Шипке, были раздеты, замучены и изувечены.

После сдачи турками упомянутого села перед глазами открылась страшная картина. Все наши пленные из Егерского полка — общим числом около трех-четырёх сотен — были зверски убиты и обобраны до нитки. Их раздетые догола, обезображенные до неузнаваемости тела были собраны в одном месте и прикрыты тонким слоем земли, чтобы не бросаться сразу в глаза. Турки отрезали еще живым пленным уши и носы, вырезали ремни на спинах, отрубали головы, руки и ноги. У всех егерей с продольным галуном на погонах за отличную стрельбу имелся крестообразный надрез кожи на виске. На лицах изувеченных лежала печать муки, они были иска-

²⁷ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 79, 81.

²⁸ Там же. С. 23.

жены предсмертной судорогой, персты правой руки иногда были молитвенно сложены. Тела же наших солдат, убитых в бою, изувечены не были, хотя вся одежда с них также была снята. Пленный турецкий паша пытался свалить вину за эти зверства на якобы сбежавших затем черкесов и башибузуков, но сам проговорился о том, что вынужден был стрелять из пистолета по своим же солдатам, чтобы остановить их бесчинства²⁹.

Резкий контраст этому составляло отношение наших солдат и командования к пленным раненым туркам. Их число было велико, и на перевязочных пунктах, куда их доставляли, они превращались в трудно управляемую толпу. Гвалт среди турок стоял страшный, они отталкивали один другого, стараясь первыми пройти перевязку. Такая же куча мала возникала, стоило нашему санитару принести ведро воды или мешок хлеба для раздачи. Ведро часто опрокидывали, а мешок буквально рвали друг у друга из рук. Приставленной для соблюдения порядка страже при этом оставалось только беспомощно разводиться руками. Некоторые из санитаров выражали досаду, что нам приходится кормить и выхаживать раненых турок, учиняющих над нашими пленными ужасные зверства, как у села Телиш. Один из них даже как-то произнес, что пленных турецких изуверов следует всех закалывать. Но эти слова были сказаны им в сердцах — на деле при взятии редутов редкий русский штык поднимался для того, чтобы заколоть раненого турка. Л.В. Шаховской писал, что «русский солдат показал себя высоко великодушным, хотя турки и сделали с своей стороны всё, чтобы возбудить в нашем солдате чувства раздражения и злобы»³⁰.

Ценными для читателя выглядят свидетельства Л.В. Шаховского о встрече русских войск болгарами 13 ноября 1877 г. в Этрополе — город, который удалось занять без боя. Он ви-

²⁹ Там же. С. 129–130. О зверстве турок писал и *В.И. Немирович-Данченко*. См.: Указ. соч. С. 219; *Калиганов И.И.* Болгарский народ глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимное восприятие) // *Славянский мир в глазах России*. М., 2011. С. 107–148.

³⁰ *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 134.

дел ее собственными глазами, присоединившись к Западному отряду войск генерала Гурко, который должен был перерезать Софийское шоссе, ведущее к Пловдиву, а затем взять и Софию. Л.В. Шаховской писал, что дорога к Этрополе вела через ущелье Малого Искыра между рядами горных кряжей с двух сторон. Их было много, и они отвесно понимались ввысь. А находившийся справа пик Орлиное гнездо был настолько высоким, что приходилось задираť голову вверх, чтобы увидеть его макушку. По ущелью с глухим ревом, пенясь, неся горный поток, изгибы которого повторяла торная дорога к городу. При въезде в него навстречу Гурко вышла депутация болгар с крестом, хоругвями и с хлебом-солью. Благодарственный молебен в честь победы над турками решено было совершить в церкви св. Михаила. Она была небольшая, но очень чистая, хорошо отделанная, с резным деревянным иконостасом и образами, сверкавшими свежими красками. Священника в ней, однако, не было. Оказалось, что, покидая город, турки увели с собой всех четырех священников наряду с 15 наиболее именитыми болгарскими горожанами и самыми красивыми болгарскими девушками и женщинами. Церковь без священника равносильна телу без души — поэтому болгары стояли печальные, с жалким видом, грустно понутив свои головы. Из-за отсутствия батюшки молебен пришлось перенести на следующий день: его отслужили с участием хора из солдат в присутствии всех наличных высоких воинских чинов: генералов Гурко, Рауха и Дандевиль³¹, принца Ольденбургского и графа Шувалова³².

Позднее один сбежавший из турецкого плена этропольский священник рассказывал, что турки увели их силой. По его словам, наместник Этрополя Назиф-эфенди при приближении русских войск начал уговаривать священников и на-

³¹ Дандевиль Виктор Дезидерьевич (1826–1907) — потомок пленного француза, оставшегося в России после войны 1812 г., генерал-майор, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гт.

³² Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 168–169. См. также: Воспоминание об Этрополе, об этропольских Балканах и о Баба-горе // Военный сборник. СПб., 1879. № 9.

ибо более почитаемых болгарских горожан бежать вместе с турками в Софию. Он запугивал болгар, говоря, что, взяв город, русские всех их перережут, а он, напротив, предоставит им телеги для бегства и обеспечит им пропитание. Назиф-эфенди также просил болгар склонить к бегству своих единомышленников, видимо с целью создания у русских впечатления того, что в Этрополе их никто не ждет. Но болгарские именитые горожане и священники отказались покинуть свои дома и церкви, из-за чего турки объявили их заложниками и силой увезли в Орхание. Там болгары стали свидетелями зверств турок над болгарским населением. Особенно свирепствовали черкесы. Они поджигали болгарские кварталы, резали болгарских детей и женщин, грабили имущество «неверных» при полном попустительстве местного паши Шефкета, который смотрел на творящиеся бесчинства сквозь пальцы. Возмущенные этими бесчинствами другие турецкие паши даже оправили в Константинополь донос на Шефкета, обвиняя его в том, что он разложил турецкое войско. Возможно, этот донос возымел действие, потому что Шефкет-пашу отозвали в столицу³³.

Упомянутый город Орхание, расположенный в долине реки Правицы по дороге на Софию, наши войска в конце ноября 1877 г. долго не занимали, на что имелась своя причина. Загвоздка была в том, что покинувшие его турки заняли близкие господствующие высоты и могли практически безнаказанно расстреливать из орудий русских солдат, если бы они в нем расквартировались. Поэтому генерал Гурко до поры до времени ограничивался посылкой в Орхание небольших конных разъездов лейб-гвардейских улан, гусар и казаков, которые вступали в стычки с черкесами, приезжавшими пограбить опустевший город. Как-то раз парочка оторвавшихся от своего взвода гусар натолкнулась на черкесов, приняв их издали за своих. Когда же ошибка обнаружилась, было поздно. Один из гусар был ранен и упал с лошади, а другой завяз с конем в глубокой луже. Черкесы раздели их догола и изрубили саблями до полного обезображивания³⁴.

³³ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 178.

³⁴ Там же. С. 208.

Занятые близ Орхание высоты турки очистили только после обходного маневра русских войск у горы Шандорник. Они отступили к Арабо-Конакскому³⁵ перевалу из опасения быть отрезанными от остальных сил. Упомянутый перевал находился в 20–25 верстах от Орхание, и поэтому русское командование решило расположить бивуак не в городе, а поближе к перевалу у подножия покинутых турками высот. Во главе его стоял граф, генерал-адъютант Шувалов — крепко скроенный человек лет сорока. Он неизменно находился в бодром расположении духа и стойко переносил трудности военного быта, предпочитая жить в отбитой у турок походной палатке, установленной прямо на снегу. Полком в ней служило утрамбованное на смерзшейся земле сено, а кухня представляла собой костер снаружи, на котором готовилась еда и у которого люди отогревали свои оковеневшие руки и ноги. По своим удобствам турецкая шуваловская палатка ничем не отличалась от простых наших солдатских казенных. Генерал Гурко неоднократно намеревался отдать приказ соорудить для Шувалова более комфортное передвижное походное жилье из дерева, но тот всякий раз отказывался, прекрасно осознавая значение для солдат командирского примера³⁶.

Условием для взятия Софии являлось овладение перевалами Балкана в западной части Болгарии для спуска после прохода через них в Софийскую долину. Из слов местных болгар следовало, что на одном из них — Златицком — турки не выставили сильных заслонов из-за трудной его проходимости. От Этрополе к этому перевалу вело ущелье, которое переходило затем в узкий коридор, петляющий между поросшими лесом горными вершинами. Сбоку от текущего по нему ручья вилась тропинка, жмущаяся к скалам, верхушки которых были покрыты тонким слоем снега. Тропинка была настолько узкой, что на ней трудно было разминуться двум встречным путникам, не говоря уже о верховых. Даже одному всаднику по ней сложно было проехать, потому что конские копыта постоян-

³⁵ Название этого перевала образовано от двух турецких слов, означающих «телега» и «двор».

³⁶ *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 210–211.

но застревали между острых камней, конь спотыкался, терял равновесие и останавливался. Посланная по этой тропинке пехотная рота Великолуцкого полка 15 ноября заняла турецкую укрепленную караулку, обратив в бегство находившихся в ней 20 турецких солдат. Вслед за ротой скрытно за шесть часов ночью и ранним утром наверх поднялся стрелковый батальон лейб-гвардии Гренадерского полка. Когда рассвело, турки заметили наших солдат и открыли стрельбу, но было поздно. Перевал был занят практически без потерь, если не считать мизинца, отстреленного турецкой пулей на левой ноге одного из стрельцов³⁷.

Другой перевал проходил через гребень горы Шандорник, по которой проходила вьючная дорога на Арабо-Конак. Турки подготовились к ее охране более основательно, оборудовав здесь 7 редутов. Атаковать их в лоб было равносильно самоубийству — единственно возможный выход заключался в сокрушении их орудийным огнем. За три дня наши солдаты по горным тропинкам подняли на соседние вершины на своих руках два девятифунтовых и четыре четырехфунтовых орудия. Турки, разумеется, не сидели сложа руки и спокойно наблюдая, как мы занимаем соседние высоты: они совершали вылазки из своих редутов и осыпали наших солдат плотным огнем. Эти атаки благополучно нами отбивались — более того, солдатам Псковского полка как-то раз удалось захватить один турецкий редут. Панически бежавших турок остановил их офицер или даже паша, дважды выстреливший по ним из пистолета и зарубивший троих паникеров. Отбив у псковцев свой редут, турки бросали им вдогонку головы, руки и ноги, отрубленные у наших раненых, не сумевших уйти с отступавшими. Общие потери убитыми и ранеными в Великолуцком и Псковском полках к 18 ноября 1877 г., по сведениям Л.В. Шаховского, составили соответственно 105 и 66 человек³⁸.

Зацепившись на перевалах, наши начали усиливать свои позиции дополнительными орудиями. Подъем девятифунтовых орудий к редуту генерала Дандевилля на горе Шандорник

³⁷ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 181–185.

³⁸ Там же. С. 190–191.

отнимал по 8 часов. Их тащили в гору 6 пар волов, к каждому из которых был приставлен непрестанно понукавший его погонщик-болгарин. Впереди солдаты с болгарами попеременно с огромным усилием тянули канат, привязанный к передней паре волов. Это был настоящий муравейник, стояли шум и гвалт, раздавалась привычная для такого дела «Дубинушка», работа не прерывалась ни на минуту. «Головой» извивающейся колонны-«змеи» служила вереница ослов и лошадей, груженных патронами, сухарями и манерками с водой. Каменистая тропа с громадными камнями и пресекавшими ее узловатыми корнями деревьев была сплошь покрыта глубокой липкой грязью. Холодный ветер с брызгами дождя и снегом бил людям в лицо, воздух был пропитан сыростью. Одежда солдат с головы до ног была вымазана не высыхающей грязью. Трое из них умерли, не выдержав неимоверного физического напряжения. Но главная цель была достигнута — на каждом из двух перевалов на позициях генерала Рауха и генерала Дандевилля было установлено по 14 орудий, начавших артиллерийскую дуэль с турками. Их доставка заняла трое суток вместо предполагавших одних³⁹.

Л.В. Шаховской подробно рассказал о дороге к позиции генерала Дандевилля, назвав ее трудной из-за очень крутого подъема протяженностью почти 4 версты. Здесь при подъеме амуниции и боеприпасов прибегли к содействию болгар, которые при помощи двух скрещивающихся палок несли артиллерийские заряды. Они медленно поднимались вверх, согнувшись в три погибели, тяжело дыша, не глядя по сторонам и не говоря, как обычно, встречному офицеру «Здравствуй, братушка!». Чем выше поднималась тропа, тем реже становился лес, уступая место поросшим мхом камням. А на самой вершине горы деревьев вообще не было. С позиции генерала Дандевилля на все стороны открывался прекрасный вид турецких укреплений на линии Шандорник — Арабо-Конак. Они располагались выше позиций генералов Рауха и Дандевилля, и туркам было удобно с высоты обстреливать русских «гяуров» из дюжины своих стальных орудий. Турецкие канониры

³⁹ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 192.

стреляли метко: наши потери на позиции генерала Дандевилля составляли по 6–8 человек в сутки, поскольку она находилась на открытой местности. Но турки совершили ошибку, не заняв ряд соседних высот. Воспользовавшись их просчетом, в ночь с 20 на 21 ноября командир Московского полка Гриппенберг во главе с отрядом солдат скрытно поднялся на безымянную вершину, прозванную затем Московской. Условия для подавления огня турецких орудий после этого стали значительно лучше⁴⁰.

Укрепившись на перевалах, генерал Гурко не предпринимал дальнейших действий, ожидая развязки событий под Плевной и прихода оттуда подкрепления. Солдаты ужасно мерзли на перевалах, мечтая о спуске с Балкан в Софийскую долину. Началась суровая зима, всё вокруг засыпало глубоким снегом. Под пронзительным ветром гнулись, трещали и стонали деревья. Мороз достигал 15–20 градусов, но на ветру он казался намного сильнее. Согреться у костра было невозможно, потому что сырые дрова не разгорались. Если же удавалось разжечь огонь, то искры и дым летели в глаза, и те ужасно воспалялись. Окоченевшие ноги и руки отказывались людям служить, случаи обморожения становились все более частыми. Особенно тяжело было на Златицком перевале: землянки там постоянно засыпало снегом, и каждое утро их приходилось заново откапывать. Солдаты проявляли готовность отправиться на штурм турецких укреплений, поскольку смерть в бою представлялась им лучше альтернативы окопаться от холода в промерзших окопах. Но приказ о начале похода не поступал — подкрепление в Этрополе после сдачи турками Плевны подошло только 12 декабря, и на следующий день решено было двинуть основные наши силы в горы.

Движение осуществлялось четырьмя колоннами. Авангард под командованием генерала Рауха составляли солдаты лейб-гвардии Преображенского и Измайловского полков, за которыми следовал полк Козловский. Выступив из села Врачешти в 5 часов утра, они должны были, преодолев гору, спуститься к селам Чурияк — Потоп — Элесница. Общая численность

⁴⁰ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 224–225.

авангарда насчитывала 15 батальонов. Колонна генерал-лейтенанта Катаlea должна была двигаться за авангардом по тому же маршруту. Правой колонне генерал-лейтенанта Вельяминова приказано было выступить из Врачешти в направлении горы Умуртаг — Жилиява. А отдельной Этропольской колонне генерала Дандевилиа надлежало тронуться в путь в 6 часов утра через село Буново и гору Баба. День 13 декабря выдался солнечный и неморозный, но это не смягчило трудности перехода через Балканы. Лошади на крутом подъеме выбивались из сил, их копыта скользили по наледи. Поэтому солдатам пришлось впрячься в орудийные повозки вместо лошадей и перегрузить с них снарядные ящики. Каждое орудие тянули около 200 солдат. Одна половина из них, выстроившись по 5–6 человек в ряд, тянула привязанные к орудию гужи и веревки, а другая несла ружья и вещмешки. Уставшие донельзя солдаты после несколько часов подъема падали на мерзлую землю и тут же засыпали⁴¹.

Подъем продолжался трое суток с ночевками. Были приняты меры предосторожности, чтобы не выдать туркам своего присутствия, — в противном случае те успели бы быстро укрепить подходы к перевалам. Спуск начался в 8 часов вечера. От вершины перевала до его подошвы расстояние составляло около четырех верст. Разыгралась вьюга, порывы ветра со снегом били людям в лицо и сбивали их с ног. Лошади постоянно скользили и ежеминутно падали, налетая на солдат и увлекая их за собой вниз. В селе Чурияк у подножия Балкан, к счастью, турок не было — там удалось переночевать и восстановить силы перед новым походом. А утром статные, рослые гвардейцы Преображенского полка вместе с Кавказской кавалерией изгнали турок и черкесов из соседних сел Потоп и Элесница. 15 декабря выход в Софийскую долину после спуска с Балкан оказался в наших руках. Переход русских войск через Балканы в этой части Болгарии был осуществлен в общей сложности за 5 дней и был поистине беспрецедентным: ни одна армия не преодолевала ранее Балканы зимой в декабре.

⁴¹ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 236.

Одним из самых увлекательных мест книги Л.В. Шаховского являются репортажи о занятии Западным отрядом под командованием генерала Гурко будущей болгарской столицы Софии. После утомительного перехода через Арабо-Конакский перевал наши солдаты утратили свой нарядный вид. Даже гвардейцы, измайловцы и преображенцы, выглядели странными, нереальными существами. Полушубков и валенок не было, и поэтому утепляться приходилось самым экзотическим образом. Спасаясь от холода, солдаты натягивали на сапоги мешковатые лапти из буйволиной кожи ворсом внутрь, отчего ноги делались огромными и безобразными. На плечи и ружья солдат было наброшено полотно от палаток, концы которого вместе с ружьем прижимались руками к груди. Из-под солдатских башлыков виднелись лишь глаза и часть носа. Метель на горе Баба во время перехода разбушевалась такая, что заставила генерала Дандевиля отступить к Этрополе и избрать кружной путь на Буново и Мирково⁴². Но всё это было позади, и обычная солдатская выправка постепенно начала восстанавливаться.

Занятие самой Софии Западным отрядом Гурко произошло относительно бескровно⁴³. Л.В. Шаховской описывает его очень красочно и выразительно. По его словам, двинувшись вместе отрядом Гурко к городу из села Ташкисен, он вскоре услышал звуки частых ружейных выстрелов. Перестрелка возникла впереди у моста через реку Искыр, где русские солдаты

⁴² Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 248–249.

⁴³ В Софии тогда находился турецкий гарнизон турок численностью в 30 таборов (12 тыс. человек), общие силы турок в западной Болгарии под командованием 26-летнего Ахмеда Джеват Шакир-паши насчитывали 80 таборов. Численность же Западного отряда Гурко составляла около 70 тыс. человек: 85 батальонов, 56 эскадронов и сотен, около 120 пеших и конных орудий. Шакир-паша был талантливым военачальником (в 40 лет он стал маршалом, а годом позже — Великим Визирем), но неравенство в силах, особенно после прибывшего из-под Плевны подкрепления, было слишком очевидным. К тому же Гурко легко мог собирать свои батальоны, эскадроны и сотни в кулак, а турецкие войска были рассеяны. Поэтому оставление Софии турками без боя было для них решением вполне разумным.

натолкнулись на охранявших его турок. С вершины небольшого холма за ходом боя наблюдал генерал Гурко. Его взору открывалось подоженное черкесами горящее село Враждебна и передвижение нескольких рот турок, которые вместе со стекавшимися к мосту черкесами вели стрельбу по наступавшим русским шеренгам. На помощь своим из Софии спешили несколько батальонов турецкой пехоты. С нашей стороны в наступление шли пехотинцы гвардейской бригады и батальон стрелков Императорской фамилии во главе с лихим командиром графом Клейнмихелем. Отклонившиеся влево солдаты лейб-гвардии Преображенского полка перешли Искыр по льду для захода противнику во фланг. Гурко приказал поднять на холм несколько орудий и забросать гранатами турецкие таборы, спешившие на подмогу своим.

Всё это происходило на фоне великолепного пейзажа. Начался чудесный закат, солнце клонилось к вершинам горы Витоши, окрашивая их темно-синим цветом. А противоположные отроги Балкан отливали нежно-розовым светом и казались прозрачными подобно всей заснеженной Софийской долине⁴⁴. Над пылавшим селом Враждебна поднималось шесть громадных столбов дыма, сквозь которые пробивались красные языки пламени. При первых же выстрелах наших орудий двигавшиеся из Софии к мосту турецкие батальоны повернули назад. А защищавшие Искырский мост турки, заметив заходящие им в тыл стройные колонны преображенцев, поспешно отступили. При этом черкесы подожгли мост, предварительно облив его керосином, но бросившиеся вперед стрелки сумели погасить огонь. Русские потери в бою за мост составили 2 стрелка Императорской фамилии убитыми и 22 ранеными. Для штурма турецких укреплений в Софии подошли новые колонны наших войск из села Ташкисен. На покрытой снегом Софийской долине рельефно вырисовывались многочисленные фигуры солдат лейб-гвардии Преображенского полка. Подтягивались и другие русские воинские подразделения. Согласно плану штурма города, с фронта должна была пойти в наступление колонна генерала Рауха. А с правого фланга Софию должна была охватить колонна генерала Вельяминова.

⁴⁴ Шаховской Л.В. Указ. соч. С. 251, 259.

Но штурма не случилось: испытавшие на себе действенность русских обходных маневров турки не выдержали...

23 декабря около 11 часов утра накануне праздника Рождества Христова генерал Гурко получил в селе Враждебна от вестового генерала Рауха донесение о бегстве турок из города. В нем сообщалось, что турки покинули Софию тайно ночью, бросив все свои укрепленные лагеря и огромные запасы амуниции и продовольствия⁴⁵. При этом известии генерал Гурко помчался на коне к городу, где русские войска встречали толпы народа: духовенство с хоругвями и образами и простые горожане, выкрикивавшие приветствия и хлопавшие в ладоши. По дороге к соборной церкви св. Стефана болгарские женщины и девушки бросали под ноги коня Гурко ветки вечнозеленого мирта. Болгарские священнослужители отслужили в упомянутой церкви молебен. А генерал Гурко в своем обращении к горожанам сказал об освобождении с Божией помощью русскими войсками под его руководством второго болгарского города — первым была древняя болгарская столица Тырново. При этом он выразил надежду, что Господь своей милостью позволит освободить и остальную часть Болгарии. На его слова толпа ответила ему громогласным «Аминь!»⁴⁶.

Философско-вдумчивыми можно назвать мысли Л.В. Шаховского о русско-турецкой войне на Балканах в 1877–1878 гг. Он констатировал, что она была примечательна исчезновением из Болгарии мусульманского населения, которое бежало отовсюду при приближении русских войск. По его свидетельству, отправляясь на Балканы, русские готовились воевать с турецкими войсками, а застали выселение целого народа. Пока длилась осада Плевны, у мирных турок была возможность собраться в путь и переселяться размеренно и без спешки, но крепость эта пала, и военные события стали развиваться с неимоверной быстротой. Когда Гурко, двинувшись из-под Софии, спустя всего 6 дней очутился в Пловдиве, а генерал М.Д. Скобелев начал быстро и неудержимо продвигаться к Адрианополю, мирные турецкие переселенцы были

⁴⁵ В наши руки попало, в частности, 200 тыс. пудов муки и 20 тыс. патронов с надписью «В Плевну».

⁴⁶ *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 263.

застигнуты врасплох. Их бегство приобрело беспорядочный, панический и катастрофический характер. Его следы можно было видеть на всем протяжении пути от Пловдива к Адрианополю. Он был буквально усеян трупами стариков, женщин и грудных детей, падалью из волов, лошадей и собак, множеством сломанных телег и повозок, грудями разнообразного брошенного имущества. Под копыта лошадей попадали затоптанные в грязь ковры, одеяла и подушки, лошади наступали то на труп седобородого, благообразного старика в чалме, то на тело женщины в разноцветных одеяниях, лежащее ничком, то на мертвого ребенка в одной рубашонке. Иногда эти картины приобретали грандиозные размеры, всё лежавшее на земле исчислялось тысячами, и обозримое пространство приобретало однотонный сероватый оттенок, словно сама земля здесь «взошла каким-то особым посевом»⁴⁷. Иначе как трагедией турецких мирных жителей это и не назовешь. Но их массовое бегство было вызвано, прежде всего, страхом возмездия за злодеяния, которые турки совершали в отношении угнетенных болгар на протяжении нескольких веков.

Репортажи Л.В. Шаховского о многих эпизодах русско-турецкой 1877–1878 гг., его пейзажные зарисовки Болгарии и наблюдения над сельским бытом болгар и особенностями их как народа были созданы очень талантливо. Они и сегодня способны пробуждать в наших читателях интерес к славным страницам отечественной и болгарской истории и выполнять полезную функцию сохранения исторической памяти двух наших народов.

РЕЗЮМЕ

РЕПОРТАЖИТЕ ЗА РУСКО-ТУРСКАТА ВОЙНА 1877–1878 г. НА БАЛКАНИТЕ ОТ ВОЕННИЯ КОРЕСПОНДЕНТ Л. ШАХОВСКОЙ

Значителна роля за осветляване на руско-турската война 1877–1878 г. изиграват репортажите на военните кореспонденти. Те служат

⁴⁷ *Шаховской Л.В.* Указ. соч. С. 303–306.

като важно допълнение към документалните материали за това историческо събитие, събрани и издадени от комисия на военни историци към Руския Генерален Щаб в края на XIX — началото на XX в. В репортажите присъства това, което обикновено липсва във военните отчети и документи — емоционалното възприемане на войната, непосредствените преценки на положителните и отрицателните страни на войнишкия и лазаретния бит, правдивите разкази не само за победите, но и за загубите и т.н. В този смисъл кореспонденциите на 28-годишния княз Лъв Шаховской, военен журналист на в. «Московские ведомости» правят голямо впечатление на читателите с живото описание на хубавите български пейзажи, преминаването на Балкана от Предния отряд на генерал Гурко, жестокостта на турците, превземането на София, посрещането на руските освободители от българите в Етрополе и много други извънредно интересни епизоди от споменатата война. В репортажите от военния пъкъл изплуват живи хора с техните чувства, преживявания, преодоляване на трудностите на военното време. Именно тази «човешка» страна на повествованието придава особена стойност на публикациите на Л. Шаховской.